

**СИБИРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ВЕЛИКАЯ
РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
ДРАМА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАСКОЛА
(1917 — май 1918 года)**

Подавляющее большинство сибирского казачества не ждало свержения монархии и не участвовало в Февральско-мартовской революции. Но под внешним воздействием оно восприняло ее с надеждой, высказавшись в апреле 1917 года на I-м войсковом съезде за широкий комплекс реформ, за сближение с другими слоями населения. Однако с весенними сельхозработами начались земельные конфликты, сильнее обнажившие узлы материальных противоречий жизни войска. Предотвратить перерастание аграрных неурядиц в политическую борьбу могла только сильная государственная власть, но таковой не оказалось. Уже в мае 1917 года стало ощущаться, что настроения станичного казачества меняются.

Великая российская революция, по сути, была гигантским всеобъемлющим кризисом, в котором причудливо переплелись многочисленные, разного качества, характера и масштаба, социально-политические конфликты. Возникли свои конфликтные зоны и группы и внутри казачьего сословия.

Из-за относительной слабости земельных и сословных противоречий в Сибирском войске после Февральской революции сложилась политическая обстановка, которая сначала несколько отличалась от того, что было в большинстве других казачьих войск. Здесь весной 1917 года возникло не два, а три политических течения казачества: консервативное, либеральное и демократическое.

Консерваторы («староказаки»), так же как их единомышленники в других войсках, выступали за сохранение казачества и за углубление его сословной обособленности. Их лозунгами были: неотъемлемая и неприкосновенная собственность войска на его земли и недра, глубокая войсковая автономия, сословно-представительное самоуправление, снаряжение казаков на службу за счет войска, передача офицерских участков в войсковой запас, а оттуда — в юрты малоземельных станиц.

Демократы («новоказаки») в Сибирском войске были радикальнее, чем в Донском или Кубанском войсках, так как согласились на саморасказачивание. Они решительно требовали установление демократической республики, ликвидации сословий, снаряжения на службу за счет государства, отмены частной собственности на землю, передачи всех казачьих земель, в том числе юртовых (общинных), в распоряжение органов областного крестьянско-

казачьего самоуправления для уравнительного перераспределения их между всеми земледельцами. Каким мотивом руководствовались сторонники саморасказачивания, к какой «воле» они так стремились? Предельно откровенно ответили на этот вопрос соседи сибирских казаков — оренбуржцы. Еще в 1906 году уставшие от службы чины 14-го Оренбургского казачьего полка заявили: «...согласны быть хоть мещанами, хоть крестьянами, но только поскорее вернуться домой и заниматься своим хозяйством» [1, с. 20].

Между «старо-» и «новоказаками» существовал либеральный центр. Политическая платформа либералов была такова: гармоническое сочетание казачьих и общегосударственных интересов; военная служба казаков на равных основаниях с остальными гражданами; отчуждение офицерских земель; общее с крестьянами неказачьих районов земство, но самоуправление Сибирского войска в земельном отношении.

Постановления 1-го съезда депутатов войска в большей мере определялись либеральным центром, который ради проведения реформ по большинству вопросов блокировался с демократами против «староказаков». После съезда в войске были проведены некоторые реформы, в частности в станицах и поселках вместо правлений и атаманов были избраны исполкомы во главе с председателями. Несмотря на идейное поражение «староказаков» на войсковом съезде, их сторонники попали в состав избранной съездом Войсковой управы. Она вообще была коалиционной и включала представителей всех трех течений.

Все политические течения сибирского казачества, ведя идейную борьбу друг с другом, в то же время стремились, искренне или вынужденно, разрешить внутрисословные противоречия конституционно-законодательным путем, т. е. путем социального соглашения и гражданского мира. Стремление всех течений к компромиссу, их аморфность, наличие между ними связывающих переходных слоев, а также фактический блок между либералами и демократами на 1-м войсковом съезде — все это свидетельствует, что резкого политического размежевания в среде сибирцев весной 1917 года не произошло [5].

Однако в дальнейшем, в течение лета, произошла перегруппировка политических течений, изменились их позиции и масштабы влияния. Либеральный центр отказался от своих проектов реформ и, восприняв консервативные идеи, слился со «староказаками», что, очевидно, стало следствием общего «углубления» революции в стране. «Новоказаки» же к осени 1917 года отказались от идеи саморасказачивания и «черного передела» земли, а после 2-го круга даже «забыли» о своих обещаниях поделиться излишками офицерских и войсковых запасных участков с разночинцами. Причина такого поворота в обозначившихся претензиях на юртовые земли со стороны разночинцев, крестьян, киргизов.

Осенью 1917 года либерально-консервативное течение («староказаки») было очень сильно. За ним шло подавляющее большинство станиц и половина строевых частей. Но другая половина частей (главным образом, Сибирская казачья дивизия) стояла на «новоказаческих» позициях. Станицы движение «новоказаков» («трудовых казаков») практически не поддерживали. Конфликт внутри войска приобрел черты противостояния «фронта» и «тыла» («детей» и «отцов»).

Поддерживая коалиционное Временное правительство, казахи политические течения ориентировались на разные его крылья: «трудовые казаки» — на социалистическое, «староказаки» — на либеральное (впрочем, «староказаки» в то же время резко критиковали правительство за «слабость» и «безволие» в борьбе с «анархией»). Самые радикальные из «новоказаков» симпатизировали левосоциалистическим партиям.

«Трудовые казаки» потерпели на 2-м круге поражение, но они консолидировались в рамках парламентской оппозиции и своей борьбой против выкупа офицерских земель и кадетского по составу списка кандидатов в Учредительное собрание создали трещину между лидерами и рядовыми участниками «староказаческого» движения. А омские последователи оппозиции перевели парламентскую борьбу в насильственную. Внутривойсковой политический кризис 4-6 октября 1917 года свидетельствовал, что идейная борьба внутри сибирского казачества перерастает в организационно-политический раскол и что внутрисословному «соглашательству» с приближением срока выборов в Учредительное собрание может прийти конец [6].

Если «староказачество» институировалось в системе войскового самоуправления (Войсковое правительство, станичные и поселковые сборы, правления, атаманы, суды), то «трудовое казачество», благодаря попустительству либеральной центральной власти и вдохновляемое «революционной демократией», в течение 1917 года создало в Сибирских казачьих частях систему выборных комитетов во главе с представительным органом — Войсковым Советом казачьих депутатов строевых частей.

Первоначально Сибирское войско, в лице его строевых частей и органов самоуправления, пыталось бороться с Октябрьским переворотом как политическими, так и военными средствами, но с падением Временного правительства и быстрым распространением власти большевиков по стране было вынуждено занять позицию нейтралитета. Для Войскового правительства, Малого круга, командования воинских частей это был именно вынужденный нейтралитет, который не перерос в вооруженное выступление на территории войска из-за двух факторов: внешнего (неблагоприятная расстановка сил в Степной Сибири) и внутреннего (раскол между казачьей верхушкой и строевым казачеством).

Политическое сотрудничество движения «трудовое казачество» с Войсковым правительством, вызванное Октябрьским переворотом, оказалось кратковременным. Движение это в ноябре-декабре 1917 года приобретает характер внутривойскового политического антагониста «староказаческого» течения. «Трудовые казаки» создают представительную организацию строевых частей, с ее помощью распространяют свое влияние почти на все казачьи воинские подразделения, разрабатывают более или менее стройную политическую программу, благодаря предвыборной агитации резко увеличивают число своих сторонников в станицах. Избирательная кампания в Учредительное собрание и установление в Степном крае советской власти развели Войсковое правительство и Совказдеп в разные стороны. «Полный нейтралитет» «трудового казачества» становится все более лояльным по отношению к большевикам. Арест правительства 26 января 1918 года фактически означал признание Совказдепом советской власти.

Большинство «трудовых казаков» за период с ноября 1917 года по январь 1918 года эволюционировало к левосоциалистическим взглядам. В движение к концу этого периода, вероятно, вернулись наиболее радикально настроенные казаки, откальвавшиеся от него в связи с Октябрьским переворотом. Но в то же время, несомненно, от движения постепенно отходили более умеренные элементы, ориентировавшиеся на правых социалистов.

Арестом 26 января 1918 года завершается непродолжительный период эволюции Совета казачьих депутатов от вспомогательной, представительной организации строевых казаков к общевойсковому революционному органу власти. После захвата власти Совказдеп начал проводить (через создание земельных комитетов, перевыборы станичных и поселковых правлений) свое влияние на места и энергично готовить созыв 3-го круга.

Образование Войскового Совета казачьих депутатов строевых частей Сибирского войска — это в известном смысле самоопределение «трудового казачества» как социально-политической группы от буржуазно-помещичьих партий и казачьей верхушки — с одной стороны, и от социалистов и Советов рабочих и солдатских депутатов — с другой. Но по своей социальной природе и идейно-политическим воззрениям оно, естественно, было ближе к «революционной демократии». Внутрисословное соглашение Совказдепа с Войсковым правительством и Малым кругом середины ноября 1917 года по политическим, финансовым, военным вопросам, наконец, по вопросу о собственном статусе было следствием не столько существенной близости этих организаций и стоящих за ними казачьих политических течений, сколько того ошеломляющего удара слева, каким стал для России Октябрьский переворот. Противоположные материальные интересы и общее развитие событий в стране,

«сама жизнь» привели вскоре к конфликту в казачьей среде. Нарастание борьбы с Войсковым правительством сопровождалось постепенным переходом Совказдепа от политики «полного нейтралитета» по отношению к советской власти к фактическому сотрудничеству с ней при сохранении нейтралитета формального [4].

Характер советизации сибирского казачества: через создание подотдела Военного отдела Омского Совета рабочих и солдатских депутатов, затем Совета всех строевых казаков, свержение им органа войскового самоуправления (правительства), последующее оформление и моральное оправдание этого акта 3-м кругом и т. д. — все это наводит на мысль о преобладающем влиянии внешнего фактора (давления извне) в процессе установления советской власти в Сибирском войске, тем более что на это есть прямые указания.

Один из наиболее радикальных лидеров Совказдепа Е. В. Полюдов, по его собственному признанию, был специально вызван в Омск из далекого, приграничного г. Зайсана, где он являлся председателем местного Совета рабочих и солдатских депутатов, не кем иным, как революционным командующим войсками Омского военного округа прапорщиком П. Н. Половниковым (оба опытные социал-демократы-интернационалисты). Полюдов же упоминал о получении некоторыми беспартийными, но «наиболее сознательными» членами Совказдепа «директив и указаний» от Омского комитета РСДРП(б). Финансовый кризис казачьего войска и дискредитация Войскового правительства в глазах казаков-фронтовиков, оказывается, были вызваны не тем, что правительство плохо вело дела и что у него совсем не было средств на проведение демобилизации. Просто большевики, взяв под контроль Омское отделение Государственного казначейства, заморозили счета Войскового правительства и затем стали оплачивать его ассигновки только при наличии визы от Совказдепа. Тем самым они поставили Совет над правительством.

Сам арест Войскового правительства был осуществлен в те дни, когда Е. В. Полюдов замещал отсутствовавшего председателя Совказдепа Ф. А. Бородихина, причем с соблюдением необходимой конспирации. Полюдов единолично и негласно подобрал для осуществления переворота руководящую пятерку — ревком. Например, он включил в ревком такого опытного партийца, как левый эсер, в 1907-1917 годах политэмигрант, В. П. Вяткин [2, с. 24-25; 3, с. 3]. Фактически левые социалисты проводили политику раскалывания наметившегося в ноябре 1917 года союза двух основных политических групп сибирского казачества посредством создания между ними недоверия и стравливания их между собой. И проявил Войсковое правительство искусство политического маневрирования, в таких условиях оно вряд ли надолго оттянуло бы собственную гибель.

Из всего этого не следует, однако, что внутренний фактор отсутствовал, что власть Совказдепа в войске была совершенно беспочвенной и бессмысленной. Если оценивать всю совокупность фактов, вплоть до одобрения политики Совказдепа 3-м кругом, то следует признать две вещи. Во-первых, в своей политической платформе и действиях Совет отражал интересы, представления и настроения значительной части казаков-фронтовиков и некоторой части населения станиц войска. Во-вторых, такие лидеры «трудового казачества», как Е. В. Полудов, несомненно, проявили «социальный талант», т. е. способность понимать ситуацию и манипулировать стремлением рядового казачества к удовлетворению самых насущных интересов. Им удалось сыграть на аграрном вопросе, хотя противоречие между общиной и частным землевладением никогда не приобретало в Сибирском войске такой остроты, как в Европейской России. Они активно внедряли в сознание новый миф об офицерах-вампирах, веками пивших кровь рядовых казаков.

Сибирское войско в лице своего 3-го круга отказалось от нейтралитета и официально признало советскую власть. Оно решило покончить с офицерским землевладением. Ради достижения компромисса с безземельными разночинцами согласилось на войсковую бессловную социализацию земли. В основе автономии войска, несомненно, лежало стремление рядовой казачьей массы предохранить свои социально-групповые интересы, и прежде всего станичные юрты и преимущественное право в разделе офицерских и запасных участков. Концепция войсковой советской власти, сформулированная в законах 3-го круга, с ее идеями земства, народных судов, демократической избирательной системы и пр. — очень интересна, хотя, возможно, не менее утопична, чем концепция 2-го круга. 3-й круг не ликвидировал до конца сословные перегородки, существовавшие до революции между казаками и разночинцами, войском и остальной Россией. Однако можно предположить, что в менее смутное время его позиция позволила бы поэтапно, путем компромиссов между казаками и крестьянами, добиться постепенного и мирного изживания сословных противоречий и слияния этих двух групп земледельцев. Но весной 1918 года ни «староказаки», ни радикальные элементы крестьянства не хотели компромисса. Вписать Сибирское войско в начавшую формироваться советскую политическую систему не удалось. Вспышка Гражданской войны положила конец любопытному социальному эксперименту.

В начале 1918 года вернувшиеся домой фронтовики смогли частично привлечь на свою сторону, частично нейтрализовать те элементы, которые ранее поддерживали «староказаков» или вообще не участвовали в политической борьбе. Но в целом на стороне «трудового казачества» была поддержка не абсолютного, а лишь относительного боль-

шинства казаков. Власть Войскового Совказдепа существовала за счет широкого распространения нейтральных настроений, на первых порах по отношению к ней достаточно лояльных, а также благодаря аполитизму и абсентеизму значительной части населения войска. Структурно-функциональное оформление органов казачьей советской власти — власти движения «трудового казачества» — только начиналось.

«Староказаки», пытавшиеся до 3-го круга сочетать легальные и нелегальные формы борьбы, после него сосредотачиваются на последних. «Староказаческое» политическое течение периода мирного развития революции перерастает в белоказачье военно-политическое движение времён Гражданской войны.

Если белоказачье движение весной 1918 года консолидируется на платформе подготовки вооруженного восстания против советской власти, то в «трудовом казачестве» происходит расслоение: часть его бывших сторонников деполитизируется, уйдя с головой в хозяйство, быт, пьянство, а иные из-за аграрных и прочих конфликтов превращаются в нейтралов или даже в активных противников Совказдепа. Войсковая советская власть теряет поддержку даже относительного большинства, а следовательно, и опору на местах. Попытки ее немногочисленных сторонников бороться с восстанием были очень легко подавлены белоказаками. В конце мая — начале июня 1918 года движение «трудовое казачество» («новоказачество») как организационно оформленное политическое течение в Сибирском войске прекратило свое существование.

Впрочем, глубину поворота сибирского казачества «вправо» не следует преувеличивать. Большинство лишь сочувствовало антисоветскому выступлению, со стороны наблюдая за драмой военно-политической борьбы, еще не понимая, что вскоре само будет втянуто в братоубийственную бойню.

В дальнейшем руководству Сибирского казачьего войска при опоре на белоказачье движение с помощью административных, агитационно-пропагандистских, репрессивных мер удалось втянуть массы сибирцев в Гражданскую войну. Полтора года сражались они за спасение своего войска с Красной армией и крестьянами-повстанцами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казачий вопрос в Государственной Думе. — Новочеркасск, 1906. — 76 с.
2. Полюдов Е. В. Октябрьский переворот среди казачества // Известия Омского губкома РКП (б). — 1922. — № 4. — С. 22-27.
3. Полюдов Е. В. Сибирское казачество в Октябрьские дни // Советская Сибирь (Новосибирск). — 1927. — 5 ноября.

4. Шулдяков В. А. Войсковой Совет казачьих депутатов строевых частей Сибирского казачьего войска (ноябрь 1917 г. — январь 1918 г.) // Социально-экономические и гуманитарные аспекты модернизации общества: сб. науч. трудов / Омский ин-т предпринимательства и права. — Омск, 2003. — С. 175-186.
5. Шулдяков В. А. Политические течения в Сибирском казачьем войске весной 1917 г. (1-й войсковой съезд) // Октябрь и гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. — Томск, 1993. — С. 3-22.
6. Шулдяков В. А. Сибирское казачье войско: начало политического раскола (август — октябрь 1917 г.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. — 1997. — № 5. — С. 172-197.